

П.А. ЩЕЛИН, К.А. КУЗНЕЦОВ
ИМПЕРИИ VS NATION STATE:
ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ

Империи остаются важной и актуальной темой в политологическом дискурсе, поскольку на протяжении значительного периода человеческой истории они были наиболее влиятельными акторами на международной арене, как в экономическом, так и в военном аспекте, а их политика во многом определяла дальнейшее развитие мира. При этом важно отметить, что сам образ империи выступал в качестве специфического идеала государственности для многих правителей. Сегодня мы можем обнаружить некоторые черты имперского управления в отдельных странах мира и стремление некоторых политиков к их возрождению и укреплению.

Тем не менее империи в силу различных причин прекратили свое существование и фактически не представили достаточно успешных и жизнеспособных в долгосрочном плане моделей государственного развития, уступив в этом одному из своих соперников – национальному государству, модель которого и по сей день выступает ориентиром государственного строительства в большинстве стран мира.

Данная статья представляет собой анализ факторов, которые, как предполагают авторы, значимы для понимания истоков кризиса имперского пути развития и «поражения» империй в их соперничестве с национальным государством.

При анализе этих факторов прежде всего следует отметить вклад в развитие исследований о причинах сравнительно низкой конкурентоспособности имперской модели по сравнению с нацио-

нальным государством, который сделал американский исследователь Хендрик Спрюйт [Spruyt, 1994].

Отмечая большую эффективность модели национального государства, Спрюйт сделал акцент на преимуществах, связанных с его институциональной структурой. Он выделял такие факторы, как более легкая и эффективная система управления: единые налоги, законы, меры весов; свобода перемещения внутри государства, а также более эффективный правоохранительный контроль, обеспечивающийся, в частности, институтом гражданства. К вышеперечисленным факторам он также добавлял взаимное доверие между государствами-нациями, обусловленное четкими границами этих государств, в рамках которых государственная власть осуществляла свои полномочия, что прямо противоположно стремлению империй к постоянному расширению. Все это также обеспечило приток населения в государства, образованные по модели национального государства, поскольку жизнь там представлялась более предсказуемой.

Подобный подход, на наш взгляд, достаточно точно выявляет преимущества национального государства перед имперской моделью на этапе формирования системы государств в Европе после заключения Вестфальского мира в XVII в., когда подобные различия в институциональном устройстве между государствами и империями были действительно существенными. Гораздо более сложным представляется применение данного подхода к реалиям конца XIX – начала XX в., т.е. именно к тому периоду, когда большинство империй прекратили свое существование. Тогда институциональные различия между двумя рассматриваемыми моделями, описанные Х. Спрюйтом, были менее значительными.

В связи с этим в данной статье предлагается иной взгляд на причины, которые обусловили более высокую конкурентоспособность национального государства. При этом в качестве основных понятий будут использоваться «нация» и «национальная идентичность». В данной работе под нацией понимается социальная общность, проживающая на определенной территории, объединенная общим прошлым, общим набором ценностей и чувством ответственности за будущие общности и территории, нашедшая свое оформление в виде государства и осознающая себя таковой. Соответственно, национальная идентичность – это идентичность группы людей, являющихся гражданами государства, существующего

на этой территории, которая состоит из трех основных компонентов: «общее прошлое / общий опыт государственности, позитивно воспринимаемое общественным сознанием», «набор общих ценностей для данного социума» и вытекающая из двух предыдущих понятий «общая ответственность за будущее страны проживания». В подобном качестве национальная идентичность выступает фактической основой успешного существования и развития государства, поэтому ее наличие или отсутствие способно оказывать влияние на конкурентоспособность той или иной модели государственного устройства.

Фактически национальная идентичность формируется и укрепляется, когда элиты уделяют внимание развитию подконтрольной им территории. Анализ имперской модели в рамках данной концепции позволяет утверждать, что ее основой в значительной мере являлся специфический универсализм – убежденность элит империи в возможности и необходимости объединения некой крупной «универсальной» человеческой общности («всех христиан», «всего человечества») под единой имперской властью, что, по их мнению, само по себе должно было принести «гармонию и благо» в общество. При этом подобный универсализм выступал антиподом национальной идентичности как основы государственного строительства и стал одним из ключевых факторов «поражения» империй в соперничестве с nation state.

Сущность универсалистской модели далее будет рассмотрена на примерах Священной Римской империи и Османской империи, в том числе на этапе ее распада и последующих реформ Мустафы Кемаля Ататюрка.

Священная Римская империя, начиная с момента своего образования, имела некоторые черты феодально-теократического государства, поскольку монархи Священной Римской империи претендовали на верховную духовную власть на ее территории, а также на роль защитников и покровителей европейской христианской церкви. То есть власть императора носила универсалистский характер. Это фактически означало ориентацию на расход ресурсов на внешнее расширение империи в ущерб интересам внутреннего развития. Кроме того, с каждым новым территориальным приобретением имперским властям становилось сложнее удерживать усложняющуюся государственную структуру в равновесии.

При этом важно отметить, что данное утверждение справедливо не только в отношении Священной Римской империи, но и применимо к любой империи вообще. Так, М.В. Ильин отмечает, что «...со структурно запрограммированным стремлением к безграничному расширению зоны империума связано затухание дисциплинирующего воздействия империи к периферии...» [Бакка, Ильин, 2002, с. 126]. Однако произошедшее в Священной Римской империи смешение светской и религиозной власти придало государственным амбициям империи характер, присущий лишь церкви как политическому институту, а именно отсутствие географических пределов расширения – не по причине геополитических или экономических амбиций, а из-за того, что в качестве потенциальных подданных рассматривались все христиане. Х. Спрюйт отмечает, что «...Священная Римская империя претендовала на точно такую же базу подданных (*что и католическая церковь*. – П.Щ., К.К.), обосновывая это полурелигиозным характером своей власти. Император заявлял о верховенстве своей власти над другими правителями, и поэтому Фридрих II претендовал на право править как *dominus mundi* – «государь всего мира» [Spruyt, 1994, p. 35]. Именно это стремление к безграничному расширению определяло всю сущность империи, в особенности на первых этапах ее существования.

Каковы же негативные последствия подобного универсализма?

В результате быстрого включения в состав империи большого числа территорий, а также из-за универсалистских целей и задач уделялось недостаточное внимание проблемам и развитию территорий, составляющих ядро империи. Имперская власть, как правило, не рассматривала уже приобретенную конфигурацию территорий как постоянную. Данный фактор является ключевым для понимания механизмов сепаратизма в империи, так как внутри нее накапливались проблемы – по двум причинам. С одной стороны, наблюдалось культурное притеснение общностей, не соответствующих имперской идее по какому-либо параметру (в особенности по религиозному). Причины этого также заложены в универсализме, который помимо прочего предполагает определенную унификацию на почве универсальных ценностей, в то время как включаемые в состав империи территории были крайне неоднородны по своему уровню развития и культурно-историческому наполнению. С другой стороны, центральная власть часто рас-

сма тривала имперскую периферию как источник ресурсов, тогда время как вложение инвестиций в долгосрочное развитие процветающих регионов считалось ненужным. Другими словами, пребывание в составе империи становилось не только обременительным с точки зрения культуры и идентичности, но и просто экономически невыгодным. Отсюда вытекает стремление элит либо модернизировать политический строй империи, что фактически означало бы отказ от универсалистских амбиций и превращение культурно-экономического ядра империи в национальное государство, либо распад империи. При этом зачастую возникал определенный парадокс: осуществляя экспансию, империя одновременно и защищала подвластные территории, невольно способствуя тем самым развитию на них протестного потенциала в условиях фактического отсутствия внешней угрозы как спланивающего элемента для всей политики. Поэтому «...любой император, проводя кампанию в Италии, вынужден был опасаться восстания на родине...» [Spruyt, 1994, p. 55].

Можно сделать вывод о том, что с определенного момента единственным фактором, обеспечивающим целостность имперского государства, становится аппарат военно-административного принуждения. В то же время «...потенциал дисциплинирования (империи)... рано или поздно оказывается исчерпанным...» [Бакка, Ильин, 2002, с. 126], как следствие сам образ имперской власти теряет привлекательность. Признаками ослабления потенциала могут стать, с одной стороны, военные поражения империи на пути дальнейшего расширения зоны влияния, а с другой – неспособность империи отвечать на вызовы сепаратизма. Последнее означает, что имперский потенциал окончательно исчерпан, а внутренняя структура поддерживается в основном за счет традиции. В случае появления успешного примера сепаратизма распад имперского организма становится неизбежным, причем происходит он именно по линиям национальных расколов.

Еще одним негативным последствием универсализма является неэффективная система управления, предназначенная для реализации политики, основанной на определенных ценностях, престиже или геополитических соображениях в ущерб рациональности. Пол Бакка отмечает, что «...целью имперской политики (Священной Римской империи) было установление мира, основан-

ного на братской любви... политику как таковую определяла христианизация в историческом контексте...» [Бакка, Ильин, 2002, с. 134]. Возможно, это преувеличение, однако следует отметить, что подобная парадигма мышления наблюдалась у многих представителей имперской элиты, включая императоров. Так, император Фердинанд II, правившей империей в критический для нее момент Тридцатилетней войны, считал, что «в государственных делах, которые столь важны для нашего священного призвания, нельзя все время иметь в виду соображения человеческие; скорее, следует надеяться... на Господа... и верить только в него...» [Киссинджер, 1994, с. 50]. При таком подходе к управлению административная власть неизбежно сталкивается с проблемами в силу того, что универсалистские догмы, какими бы совершенными на момент своего создания они ни казались, неизбежно устаревают. Как следствие падает общая эффективность управления огромным имперским механизмом. Это также создает предпосылки для сепаратизма, особенно на тех территориях, где политика имперской администрации особенно неэффективна и непродуманна, а предпосылки для национального самоопределения уже сформировались.

Наконец, еще одним негативным последствием универсализма и неэффективности имперской политики является снижение доверия подданных к ней. Таким образом, принятие неэффективных решений в силу ранее заявленных универсальных принципов имеет для государства негативные, а иногда и критические последствия, в то время как отказ от исполнения этих принципов подрывает внутренний суверенитет имперской власти, разрушая тем самым само государство.

Характерный пример – история турецкого государства в XX в. Вошедшая в новый век универсалистским государством, Турция стала редким примером страны с преобладающим мусульманским населением, которая смогла построить стабильную систему национального государства. Османская империя обладала рядом черт теократического государства: «Султан был верховным носителем политической власти и главой мусульманской общины» [Кудряшова, 2010, с. 32]. Если в период создания империи и первичных завоеваний победы были одержаны либо над слабыми, переживающими кризис государствами, такими как Византийская империя, либо при помощи многократного превосходства в физи-

ческой силе (Сербия, Болгария), в дальнейшем в столкновениях с государствами-нациями Османская империя неизменно терпела поражения. В конечном итоге это привело к упадку империи, который принял характер, сравнимый с процессами, происходившими в Священной Римской империи, – нарастание сепаратизма на периферии на основе этнического (в мамелюкском Египте) или комбинации этнического и религиозного (славянские государства Балканского полуострова) отличия от населения ядра империи.

Составные части империи, за исключением тюркского ядра, удерживались только благодаря силе оружия, а попытки ряда султанов трансформировать империю на основе гражданских ценностей наталкивались на сопротивление в самом ядре¹. Кроме того, «османизм, не имея общих для всего населения империи культурных и психологических корней, произвел социальные и культурные изменения, которые... усилили чувство общей культуры у мусульман и... вызвали рост этнического и регионального самосознания... в результате у многих народов, населявших империю, оформился концепт родины с ясными границами и отдельной идентичностью» [Кудряшова, 2010, с. 35].

Однако необходимо подчеркнуть тот факт, что к концу XX в. ряд реформ принес определенные результаты и создал предпосылки для формирования турецкой нации, что впоследствии использовал Ататюрк при формировании нового государства. В частности, Конституция 1876 г. признавала османскую нацию, состоящую из множества этнических групп [Karpat, 2001, p. 316]. Тем самым создавались предпосылки для возникновения хотя бы на уровне элиты понимания нации не как сообщества империи или уммы, а как государства («devlet»).

Важным фактором, способствующим формированию идеологических основ зарождающейся турецкой идентичности, стало движение младотурок.

Мустафа Кемаль Ататюрк создал для нового государства принципиально новую основу. Такой основой стала идея нации, которую Кемаль понимал как «сообщество, сформировавшееся из

¹ Так, реформы султана Махмуда II, целью которых была европеизация страны, несмотря на ряд успехов, привели к бунтам мусульман (прежде всего в столице), вызванных религиозными чувствами. Правительство расправлялось с ними крайне жестоко.

лиц, которые имели общее богатое историческое наследие, искренне желали жить вместе и имели общую волю к сохранению своего наследия» [Кудряшова, 2010, с. 39]. Такая интерпретация концепции национальной идентичности коррелирует с определением, предложенным в начале данной статьи. Очерчивая круг новых граждан, Ататюрк не делал этот круг закрытым – при разделении человеком ценностей турецкой культуры он также мог стать турецким гражданином. Существование нации для Ататюрка было неразрывно связано с существованием государства: «Когда народная масса становится способной построить свое государство, она становится нацией» [Мухамметдинов, 1996, с. 156]. Помимо этого именно Ататюрк ввел в турецкий политический дискурс концепт «территория», поскольку в его понимании нации помимо культурных составляющих включалось также «проживание на определенной территории в прошлом, в настоящем и уверенность в проживании на этой территории в будущем» [Мухамметдинов, 1996, с. 157]. Очевидно, что вся совокупность вышеизложенных компонентов новой турецкой идентичности означает полный разрыв с доминировавшими прежде принципами универсализма. Внимание руководства страны было окончательно перенесено с экстенсивного развития на развитие интенсивное, чему прежде всего способствовало новое понимание взаимосвязи «нации» и «территории».

Результаты подобной смены парадигмы развития проявились сразу же: смещение акцента с идентичности религиозной на идентичность национальную способствовало сплочению нации и противостоянию внешним угрозам, грозившим разрушить страну. Речь в данном случае идет о Севрском мирном договоре и последовавшей за ней войной за независимость Турции.

Окончательно принципы нового турецкого государства были закреплены в Конституции 1937 г. Идеино-политическая доктрина кемализма включила в себя шесть компонентов: республиканизм, национализм, этатизм (основную ответственность за экономическое развитие несет государство), лаицизм (разделение религии и государства), революционизм (предполагал замену устаревших феодальных структур и институтов на новые, способствующие национальному прогрессу) и народность (ключевая составляющая народности – равенство всех людей перед законом) [Мухамметдинов, 1996, с. 158–159].

Важно также отметить преобладание принципа рационализма во внешней политике Турции, который заменил собой господствовавший до этого универсализм. Характерно следующее высказывание Ататюрка: «Мы (турки) такие националисты, которые уважают все нации, сотрудничающие с нами... наш национализм лишен эгоизма и надменности» [Мухамметдинов, 1996, с. 156]. Рационализм позволил вести внешнюю политику с позиции национального интереса. Новый тип политического мышления принес существенные положительные результаты, включая, например, нейтралитет турецкого государства во время Второй мировой войны.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Универсализм – стремление к безграничному расширению контролируемой территории, базирующееся на задаче построения мирового общества, которое, в свою очередь, основывается на универсальных ценностях религиозного или полурелигиозного характера, – является одним из главных препятствий на пути построения успешного государства. Наличие универсализма в качестве основы империи способствует разрушению последней в силу двух факторов: невнимания к текущему развитию уже приобретенных территорий и стремления к бесконечному расширению. Отказаться от завоеваний империя не может, так как это будет означать подрыв сакральной идеи, на которой базируется само существование империи. «Поражение» империи в таком случае представляется неизбежным, хотя и может принимать различные формы – эволюция в другой способ существования, медленное саморазрушение или быстрый крах, сопряженный с кровопролитными конфликтами [Motyl, 1999, p. 128–130].

Литература

- Connor W.* A nation is a nation, is a state, is an ethnic group, is a... // *Ethnic and racial studies*. – Oxford, 1978. – Vol. 1, N 4. – P. 300–311.
- Karpat K.H.* The politization of Islam. – N.Y.: Oxford univ. press, 2001. – 533 p.
- Motyl A.J.* Why empires reemerge: imperial collapse and imperial revival in comparative perspective // *Comparative politics*. – N.Y., 1999. – Vol. 31, N 2. – P. 127–145.
- Spruyt H.* The sovereign state and its competitors an analysis of a systems change. – Princeton, N.J.: Princeton univ. press, 1994. – 288 p.

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 288 с.
- Бакка П., Ильин М.* Разгадывая Европу. Загадка первая: translatio imperii // Космополис. – М., 2002. – № 1. – С. 125–144.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
- Кудряшова И.В.* Пан-нации и нации государства в мусульманском мире: конкуренция воображаемых сообществ // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований; Под ред. Ильина М.В. – М., 2010. – С. 30–53.
- Мухамметдинов Р.Ф.* Зарождение и эволюция тюркизма. – Казань: Заман, 1996. – 272 с.